

Виталий Полозов

НА ТДЁЖНОЙ
ЗДИМКЕ

Виталий Полозов

НА ТДЁЖНОЙ ЗДИМКЕ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Редактор Эльвира Цорн
Компьютерная вёрстка и обложка Татьяны Крук
Иллюстрация на обложке *pixabay.com*

Полозов, В.

П52 На таёжной заимке: Повесть. — Свет на Востоке, 2024. — 352 с.
Издание первое

Посвящение

Дорогие друзья! В повести «На таёжной заимке» есть эпизоды, заимствованные из воспоминаний моей старшей сестры о нашем детстве в Карьере. Это поселение на Тюменщине, которое не сыскать на карте, потому что на карте его никогда и не было. Одно слово — глухомань. Пожалуй, это самое точное определение таёжного посёлка, существовавшего в нескольких километрах от более крупного Тропинска, где была даже начальная школа. Вот разве что в памяти местных стариков при упоминании Карьера ещё шевельнутся отголоски его бывлой значимости для обороны страны. Может быть, может быть... О какой значимости идёт речь, вы прочтёте в повести. Потом, после войны, судьба разбросала нашу когда-то большую дружную семью сначала по разным республикам и областям Советского Союза, а позже — и по разным странам. И вот теперь из той «карьерской» семьи нас осталось двое, поэтому я и посвящаю эту книгу моей дорогой сестрёнке Тае Вшивко, урождённой Полозовой Таисии, отметившей в этом году своё девяностолетие.

Изд. № 01.111
ISBN 978-3-949694-47-9

© Полозов Денис, 2024.
© «Свет на Востоке», 2024.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Насущное отходит вдаль,
а давность, приблизившись,
приобретает явность.

И. В. Гёте. Фауст

Каждый человек в той или иной мере — один меньше, другой больше — обладает так называемой декларативной памятью, которая надёжно хранит в своих запасниках «события давно минувших дней». Это именно она способствует тому, что чем дальше уходит от человека время, связанное с детскими годами, тем отчётливее — эпизод за эпизодом — вырисовывается оно в его воспоминаниях. То есть «приобретает явность», как следует из процитированного выше эпитафия. И оно так и есть. Время не властно над памятью: всё чаще и настойчивее предстают в воображении как наяву особо незабываемые сцены, и вот уже никуда тебе не деться от памяти, кроме как поделиться ею, словами выразить однажды пережитое. И тогда так разволнуешься, что не в силах понять, когда те мгновения волновали тебя сильнее: в том далёком далеке или сейчас, у видимого уже порога вечности.

Мне было лет шесть, когда отец в первый раз взял меня с собой на лесосеку в тайгу, где он работал лесорубом. Кого только не было в той большой интернациональной бригаде! Рядом с местными сибиряками трудились украинцы, молдаване, калмыки, литовцы, немцы — всего около ста человек. Все они были ссыльными, и их друг с другом неспешные беседы после работы буквально притягивали меня. В них, в этих беседах, наряду с какой-то, пока ещё непонятной для меня неизбывной тоской по оставленному родному краю обязательно лелеялась надежда на возвращение. И эта надежда всегда связывалась с Богом: дескать, Господь всё видит и знает и воздаст нам за испытания и терпение наше. И — никаких жалоб.

Потом многие, сложив руки на груди, беззвучно молились; и что это была именно молитва, видно было по слезам на их лицах. Да, взрослые дяденьки плакали, но в то же время улыбались так благостно, будто для каждого из них в ответ на молитву уже пришла радостная весть. Я, конечно, не понимал этого, вершившегося в их душах таинства, но такая щемящая жалость охватывала всё моё существо, что я еле сдерживался, чтобы не разреветься. Не понимал этого их состояния и мой отец, и его товарищи по работе.

«У меня (у нас) на моей родине...» — такими словами начинал вспоминать очередной лесоруб свою прежнюю жизнь, и я, затаив дыхание, вслушивался в каждое его слово. Я уже понимал, что они не такие, как мой папка, как все другие сибиряки; мне нравилась их медленная речь (подбирали русские слова), их акцент (помню, даже старался подражать одному литовцу), а в их воспоминаниях чудилась какая-то далёкая и обязательно сказочная страна.

Но завершался вечер всё тем же печальным «только бы не было войны» и той доходчивой, без слов, молитвой, которая втайне. И я верил тогда, верю и сейчас, что «Господь, видящий тайное, воздал им явно». Многие из них, если не сами, то их дети, обрели-таки по пути в вечность свою пока ещё земную родину.

— Папка, у них у каждого своя родина, ли чё ли? — обратился я после очередной такой «прослушки» к отцу, не подозревая, что, в общем-то, был близок к истине.

— Не болтай, — строго, но почему-то очень тихо и с оглядкой ответил он. — И поменьше развешивай уши, когда разговаривают взрослые. — И как отрубил: — Родина у всех одна. Понял?

Наверное, я понял. Потому что больше с такими вопросами ни к кому не обращался. Но что касается ушей, то «развешивать их» я не перестал, и те истории-откровения более чем через полвека легли в основу как этой повести, так и некоторых других моих рассказов.

Виталий Полозов

1

Дорога от Карьера в Тропинск, по которой когда-то довольно оживлённо сновали машины, гружённые песком, угадывалась лишь по едва заметной тележной колее: нет-нет да и проедет здесь какая-нибудь колымага и обновлённым следом обозначит границы бывлой пути-дороженьки. Теперь-то она вся поросла травой, и к концу лета грибов и ягод на ней — видимо-невидимо. Собирай не хочу. А так-то — просека да и просека, каких в лесу на каждом шагу. Только эта уж больно извилистая: подлаживали её под вывозку — так особо крутые склоны да буераки огибать старались. Вот и вышло, что от посёлка до Тропинска по ней шесть километров, а напрямую через лес всего-то около трёх. И небольшая мелконькая речушка — летом так вообще воробью по колено — вовсе даже не помеха на этом пути, а лишнее развлечение. Можно даже не замочив ног по большим камешкам на другой берег перескокнуть.

Ну и кто ж, по-вашему, пойдёт в школу по дороге в два раза длиннее? Кто-то, может быть, и пойдёт, только не Таиска; девушка девяти лет от роду, она чувствовала себя в лесу, как дома, знала здесь каждую тропинку, знала и привечала каждый кустик. Тем более, что иногда можно было немного свернуть в сторону (аккурат повдоль речки, за километр от дома) и навестить займку лесника, её крёстного дядю Колю Ваганова. Не столько его, конечно, сколько его сына Борьку, мальчутана

шести лет. Тот, считай, три года жил в их семье, пока отец был на фронте. Поначалу-то Боря остался с мамой в Каменке (от Карьера чуть больше трёх километров в другую от Тропинска сторону), но она в первый же год умерла там от неведомой болезни, и его привезли к себе дед с бабушкой Вагановы. Только сами они были уже столь немощны, что проживал Боря главным образом в семье у своего крёстного, дяди Артамона, сродного брата Николая, где кроме Таи было ещё шестеро детей: трое постарше её да трое — мал мала меньше. В общем, аккуратно «семеро по лавкам», как шутили сами сельчане.

Но вот окончилась война, и отец Борьки вернулся с фронта. Вернулся совсем другим человеком: замкнутым, с болью утраты в глазах. К тому же с покалеченной ногой, что, впрочем, не помешало занять прежнюю должность, да и заметна хромота была только при быстрой ходьбе. Но всё равно при нём теперь всегда была лошадка. Он её первым делом в сельсовете вытребовал; иначе, мол, какой с меня лесник, если я с хромой ногой ни одного браконьера не догоню? Больно много развелось их, кстати сказать, за первый послевоенный год. В общем, сам он на работе день-деньской, когда и забежит в обед, когда и нет, а пацан один на заимке. Поэтому и привечал лесник Таю, и никогда не отпускал её без гостинца за то, что навещала она своего братца. Да она и сама старалась не упустить такой возможности. Но это обязательно после ритуала гадания: для этого нужно покрутить указательными пальцами, развести руки в стороны и, зажмурив глаза, попробовать состыковать пальцы. Если это долго не получалось, можно было подсмотреть — совсем чуточку! — и тогда со спокойной душой бежать к Борьке. Вот как сегодня: стоя у речушки, она развела руки в стороны и...

Надо сказать, что навещала Борю не только она, но ещё и вполне себе взрослая, замужняя женщина тётя Наташа Бугрова. «Бугриха», как поначалу звали её сельчане. Это уж потом стала она называться ласково — Ната, Наталка. Было

ей около двадцати лет, и, сама ещё бездетная, она любила мальчугана какой-то рискованной, прямо жертвенной любовью. Рискованной, потому что замужем была за татаринцем Васильем Жмаевым, мужиком хоть и богатым, но скупым и к тому же буйным. Правда, буйство его распространялось лишь на одного человека — жену, которую ревновал к каждому столбу и бил смертным боем безо всякого на то повода. Красивая, хрупкая, похожая на девочку-подростка с туго заплетёнными, густыми, просто роскошными русыми косами и добрым, кротким нравом, она была полной противоположностью своему взбалмошному мужу, и вся деревня жалела её. Вот только заступиться за неё было некому. Во-первых, все мужики его возраста, и даже не совсем здоровые, были призваны на войну, а во-вторых, не принято как-то в деревне в чужую жизнь вмешиваться.

— Опять этот «басурман» (так в первый же день «окрестили» его в деревне) Наталку шпикует, чтоб ему пропасть, — шептались бабы, услышав очередную ругань буйного татарина и стыдливо отводили глаза: — Ну подерутся да и помирятся тут же. Муж и жена — одна сатана.

Такое вот немудрящее оправдание. Да и что могли они сделать против такого свирепого «фулюгана»?

Этот вполне себе здоровый парень — и ростом вышел, и здоровьем не обижен — в отличие от деревенских мужиков каким-то образом отвертелся от армии. Вроде бы падучей он страдал. Оно и правда случались иногда у него припадки, так опять же соседи подметили, что случались они почему-то в основном, когда его могли призвать к ответу: будь то после очередного избиения Натальи или если ещё где напрокудил. Ну а ответ у него один: помрачение, мол, вышло, вот падучая ихватила окайнная.

И такие его «помрачения» особенно участились в этот военный период. Раньше-то помирнее был, мужиков побаивался. Приехали они с женой в эту глушь из какой-то

Уфы, и люди поговаривали, что не совсем по доброй воле, а чтобы избежать Ваське неминуемого лагерного срока. То ли всё за те же последствия его «помрачений» — в городе-то сильно не набалуешь, быстро к порядку призовут! — то ли что-то «нахимичил» там басурман, потому как был он там не простым рабочим, а вовсе даже служащим. Да-а, и не самого мелкого пошиба. Это он сам так похвастал, когда случилось выпить лишнего. Правда, потом столь же рьяно старался опровергнуть сам себя: по пьянке, мол, чего не наболтаешь. Ну какой, в самом-то деле, из меня начальник? Но тут-то ему как раз и поверили, потому что и здесь, в этом захолустье, он быстро пристроился в заготконтору и вскоре уже развернулся во всю: то есть из простого заготовителя шагнул в какую-то значительную должность в конторе. Всё же хватка у него была что надо, да и грамотей по местным меркам он был бо-ольшой. Как бы не целых семь классов закончил. Ну, семь не семь, а четыре — точно. Это и Наталья подтвердила.

В общем, не прошло и года, а ему уже и пятистенку мужики срубили (не здешних нанимал, со стороны откуда-то наезжали), и живностью он обзавестись успел: корова, овцы, куры, гуси. А над хозяйством, конечно же, жена. Сам-то брезговал со скотиной возиться; всё больше по делам конторы в отъезде бывал. А как приедет, то и давай над ней куражиться. Как-то раз услышали соседи, что грозил даже отправить её назад к «попрошайке с оравой оборванцев» (так он обозначал её вдовую мать с ребятишками). Видать, попросила его помочь её родным.

— Я те помогу, я те помогу! — орал Васька. — Ишь, богачка выискалась. Узнаю, что хоть копейку переслала, — тут же к ним пеша пойдёшь. Не думай, что поедешь павой расфуфыренной: вот в чём за скотиной ходишь, в том и потопаешь. Не забывай, из какой нищеты я тебя вытащил! В одной драной фуфайке была.

Люди только диву давались, как такая молодая красивая девка могла сносить все эти оскорбления. Но дивились этому не все, кто-то и завидовал. И Наташа, решившись однажды пожаловаться на свою судьбу, попала на свою беду как раз к тем, кто в первую очередь видел в её муже крепкого хозяйственника. Ведь то, что у Васьки в доме был достаток, какого даже близко не было у местных работяг, служило завистью не одной хозяйке.

— Э-э, милая, — услышала она в ответ, — да тебе ли жалиться? Живёшь — рукой не достать. Мужик вон сколь добра в дом наташил, а ты нюни распускаешь. Да тебе на него молиться надо! Эка невидаль, ревнует да бьёт. Бьёт — значит, любит.

И сникла Наталья. Это присловье она слышала каждый день от мужа. И больше после этого ни у кого не искала сочувствия. А если кому и молилась, то только Богу.

— Господи, — шептала она в пустоту и темень ночи, — если Ты есть, сподобь не ожесточиться мне душой. Может, и правда всё ещё стерпит-сялюбит, как бабы говорят. Ведь вон какой добрый он был, когда уговаривал маму отпустить меня с ним.

И находила у Бога и утешение, и силы переносить страдания.

Ещё одним светлым облачком в её жизни стала встреча с трёхлетним сыном Николая, которого привезли к Вагановым после смерти матери из Каменки. Борька так походил на её младшего брата, что она вложила в него всю свою неистраченную любовь. Нет-нет да и заявлялась к старикам с каким-нибудь гостинцем для малыша. А гостинцы-то знатные, не чета деревенским: то сайку диковинную принесёт, то и вовсе печенье или лампасейку. Мальчишка, завидев её, аж прыгал от нетерпения. Потом и домой к себе стала брать его с их разрешения: поводится с ним, понянькается и прямо просияет вся, будто сызнова родилась.

А раз всё на лице написано, то и дознался скоро Васька, почему этой дурёхе (иначе-то он её не называл) так радостно. Сама рассказала, пока он чего дурного не придумал. Только о гостинцах умолчала, зная его жадность. Поначалу-то вскинулся в гнев мужик, вот-вот кулаки в ход пустит, но быстро смикнулся, что это ему на руку. Оба брата Вагановы (один — лесник, другой — охотник) были уважаемые люди не только в деревне, но и в районе. К тому же у Артамона осталась своя семья, семеро по лавкам, да теперь ещё к ним и сынок Николая прибавился. Придут они с фронта или нет — не суть важно; важен сам факт, что жена Васьки присматривала за ребёнком. Весть такая оценится не только ими, но и его начальством зачтётся. Да и ему куда спокойнее, что Наталье кроме домашних забот будет кем заняться. В общем, перечить не стал, но перевернул всё по-своему.

— Ну что ж, водись, — буркнул угрюмо, — может, меньше о мужиках думать будешь. И не ерепенься мне тут, — грубо осадил запротестовавшую было Наталью. — Я вас, баб, наскрозь вижу. — И, немного подумав, заключил: — Но и тут ты всё равно дура. Хоть бы какую-то плату с Вагановых брала.

— Дак откуда у стариков что возьмётся? — робко возразила она.

— Эге, ещё как возьмётся, — ухмыльнулся Васька. — Что-бы у охотника да лесника ничего не нашлось! И возьмётся, и не убудет. Только смотри у меня: сюда не таскай пацана. Ни ногой чтобы! И это... гостинцами не вздумай подкармливать.

— Так сирота ведь, — попробовала разжалобить его Наталья.

— Сирота, сирота, — передразнил он и махнул рукой досадливо. — У него вон родных полдеревни. Ишь, какая жалостливая нашлась. Не своё-то легко дарить. А заработай сама, вот тогда и раздаривай.

— Так ведь не отпускаешь работать-то, — тихо возразила она впервые за всю их совместную жизнь и даже испугалась своей смелости.

— Ага, поговори ещё у меня, — смерил он её тяжёлым взглядом. — Глядишь, и наговоришь на свой хребет. Сказано: если хоть раз что тронешь из дому — шкуру спущу!

И стал вести строгий учёт всего, что было в доме, особенно сладостей, дабы предотвратить их утечку.

Всё ладно было до той поры, пока вслед за братом не вернулся с войны и Николай. Погоревал мужик о жене, погоревал, заколотил крест-накрест окна дома в Каменке да вскоре на заимку и переехал. И пацана забрал с собой: дескать, парню шестой пошёл, пора к лесу привыкать. Лес-то, мол, лучший лекарь от тоски-печали. Да и подальше от людей оно скорее забудется. Душу травить напоминаниями некому станет, разве что сам себе. Он и раньше не сильно-то говорливый был, а теперь вообще замкнулся в себе, стал какой-то странный да угрюмый. Но перед тем, как перебраться на заимку, не забыл лично явиться к Василию с благодарностью да Наталье поклонился и зелёный платок с разными яркими цветами по всему полю, что жене вёз, подарил за заботу о сыне. Не успела за ним захлопнуться дверь, как Василий, только что лебезивший перед ним, вырвал у неё тот платок и ну протирать им сапоги.

— Вот тебе подарок, — повторил со злорадством. — Тут тебе цветочки, тут и ягодки. — И швырнул платок ей в лицо. — Только попробуй когда надеть — убью. И чтобы из дому — ни шагу!

Наталье будто последнюю отдушину в жизни прикрыли. Долго не решалась нарушить приказ мужа, но потом выбрала момент, когда он в район надолго уехал, гостинцев прихватила и ходко туда, на заимку. Повидалась с Борькой и счастливая так же быстро домой. А где один раз, там и второй,

и третий. С неделю эдак навещала мальчишку: нет на уме у наивной бабы, что могут выдать её. А молва людская всегда бежит впереди. Вот уже и донёс кто-то Ваське об этой её жертвенности, а он хоть виду сразу и не подал, но в очередной свой отъезд затаился под крыльцом и прихватил её «на месте преступления». То есть поймал у ограды с узелком гостинцев. Так и села Наталья на землю ни жива ни мертва. А он впился в неё своими колючими глазами:

— А куда это наша мамзель собралась?

— Борю проведать, — лепечет она да крестится. — Ей-Богу, Вася. Сам Николай-то у своих здесь гостюет, так я и выбрала время, чтобы ты не подумал чего. Ты ведь разрешил мне его навещать, а, Вася?

Но никакие доводы уже не могли остановить взбесившегося мужа. Привычным движением схватил её за косы и потащил в дом.

— Я о чём предупреждал? — шипит ей в лицо, сопровождая вопросы тычками по всему телу. Потом и вовсе перешёл на крик.

Ну а бабы тут как тут: на шум сбежались, в ряд чуть поодаль выстроились и судачат меж собой. Тон задаёт соседка Галина.

— Ну вот, — говорит, — давно не было концертов. Уже и к ребёнку ревнует басурман несчастный.

— Не к ребёнку, — поправляет другая, — а к Николаю. Колька-то, поди, мужик. Да ещё и что надо — мужик, не гляди, что хроменький.

— К ребёнку ли, нет ли, а ведь ей говорено было: не ходи! Всё одно этот упырь пронюхает. Вот и пронюхал. Ой, глядите, глядите!

Из ворот выбежала Наталья в одной сорочке с окровавленным лицом и обезумевшими от боли глазами. Через секунду за ней с диким воем буквально вылетел и сам «упырь» с топором.

Охнули бабы в страхе, шарахнулись, заглушив своим визгом Васькину брань, кроют его почём зря, бегут следом, а догнать да вмешаться не смеют. Страшно!

Николай Ваганов аккуратно въезжал в село, когда увидел со спины гнавшегося за Натальей мужа. И в замешательстве натянул поводья: с одной стороны сиюминутное желание вступить за неё, с другой — боязнь пересудов тех же сельчан. Он уже был наслышан о том, что такая их семейная сцена довольно привычна для деревни. Ну и тот самый вывод, что «милые бранятся — только тешатся».

Однако истошный крик женщин: «Коля, у него топор!» — вывел его из размышлений. Пришпорив коня, он в несколько секунд догнал Ваську и, полоснув кнутом по руке, выбил топор. Тут же спрыгнул с коня и скрутил ошеломлённого воюку, согнув его в три погибели.

— Ты чего-о? — тонко взвизгнул Васька и, не видя противника, давай пошёл ругаться: пусти, мол, такой-рассякой-этакий, или хуже будет. Но, почуяв твёрдую сильную руку, вдруг обмяк всем телом и мешком вывалился из рук Николая на землю. А там, уже лёжа, и вовсе задёргался в конвульсиях, методично приподнимая голову и тут же ударяясь ею о землю.

— Падучая, опять падучаяхватила, — вполголоса зашептались подбежавшие бабы. — Пальцы ему, Коля, пальцы шибче заверни.

— Не надо, — почему-то хитро подмигнул Николай и нарочито погромче крикнул: — Чё ему, бедняге, каждый раз эдак-то мучиться. Дайте-ка лучше камень ему под голову. Треснется разок башкой — и дух вон! А вы, бабы, молчок! Вы ничего не видели. Лучше за девкой вон присмотрите. Ага, этот камешек, этот. Давайте сюда.

И вышло сельчанам чудо: Васька тут же осторожно опустил голову на землю и через мгновение приоткрыл один глаз.

— Где я? — спросил тихо.

— Пока что тут, но щас на небеси отправишься, — пообещал Ваганов. — Только наперво скажи, на что тебе топор?

— А не суйся не в своё дело, — немного освоился с обстановкой Василий. Присутствие женщин заставило вспомнить о гордости и придало ему гонору. — Моя жена, сами и разберёмся.

— Что ж дома не разбирался, а с топором по селу гоняешься?

— Ну, ты ж мужик, Коля, должен понимать, — доверительно понизил голос Васька и сел, потирая запястье. — Руку ты мне напрочь отшиб. Если бабу не учить, она тебе на шею сядет. Пусть говорит спасибо, что это я пока так... шуткую, можно сказать. А не поймёт, я в следующий раз ей суд шарията устрою. Слышал про такой?

— Это который? Тот, что у мусульман, что ли?

— Да, у нас, — гордо выпятил губу Васька. — Слышал?

— Положим, слышал. Только мои друзья-татары на фронте говорили, что нет подлее поступка, чем поднять руку на женщину. Так ведь в Коране прописано?

Жмаев ошарашенно выкатил глаза, а Николай сам же ответил:

— Так. Вот, стало быть, ты и пойдёшь под этот суд. Ты же не просто руку поднял — ты убить её хотел. За что?

— А то ты сам не знаешь, — встряла всезнающая Галина.

— Это пошто же я должен знать? — нахмурился он.

— Да ревнует он её к тебе — вот и весь сказ!

— Ко мне?! Ты что, Галька, белены объелась?

Изумление лесника было настолько искренним, что нелепость обвинения стала ясна всем, только не Ваське. Но он, узрев, что Натальи уже нет среди баб, вновь приободрился:

— Не слушай её. Врёт она всё. У нас с женой всё по любви. Ну, погорячился я, дак щас же и помиримся, а? Слышь, Коля?